

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

*А.В. Лубский,
Е.Ю. Колесникова
Южный федеральный университет*

Аннотация: *В статье концептуально раскрывается содержание рефлексивных и нереплексивных структур ментальных программ, обуславливающих модальные и нормативные модели политического поведения в российском обществе. Дается представление о нормативном типе личности в России, в ментальной матрице которой в качестве модальностей выступают такие базовые ценности, как государство, власть, порядок, авторитет, «быть как все», справедливость, обуславливающие особенности политического поведения в российском обществе. На основе когнитивного конструирования выявляются особенности либеральной, либерально-государственной, консервативной и государственно-либеральной версий модальной модели политического поведения в современном российском обществе.*

Ключевые слова: *ментальная программа, ментальная матрица, социальное поведение, политическое поведение, модальная модель социального поведения, нормативная модель социального поведения, либеральная модель социального поведения, консервативная модель социального поведения, либерально-государственная модель социального поведения, государственно-либеральная модель социального поведения.*

В современном российском обществе можно выделить различные модели социального поведения, благодаря которым люди, попадая в одну и ту же социальную ситуацию, по-разному реагируют на нее, обнаруживая своеобразные репертуары социальных действий. Эти модели сформировались в контексте, с одной стороны, модернизационных преобразований в российском обществе, с другой — регенерации государствоцентричной матрицы его развития. Большое влияние на их формирование оказали также изменения в массовом сознании россиян, значительная часть которых, испытав в начале 90-х гг. прошлого века эйфорию от «захватывающих дух» либеральных проектов модернизации, в настоящее время выражает недовольство не только результатами реформ в России, но и их целями. Научное моделирование социального, в том числе политического, поведения позволяет выявить его особенно-

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

сти, присущие различным социальным группам, а также лучше понять особенности социально-коммуникативных практик в современной российском обществе.

Согласно авторскому методологическому подходу, интерпретация социальной ситуации и соответствующее социальное поведение как реакция социального актора на социальную ситуацию и на внешние социальные изменения в виде совокупности социальных действий, направленных на поддержание социального существования или адаптацию к социальной среде, осуществляются на основе ментальной программы, сформировавшейся в процессе социальной коммуникации. В ментальных программах социального поведения можно выделить когнитивные, аксиологические и конативные структуры. Эти структуры носят как рефлексивный, так и нерефлексивный характер: в когнитивные структуры входят рефлексивные представления и нерефлексивные образы, стереотипы или догматы; в аксиологические — рефлексивные и нерефлексивные ценности как «предпочтения-мнения» и «предпочтения-верования»; в конативные — установки как рефлексивные готовности и нерефлексивные предрасположенности. Нерефлексивные структуры ментальных программ носят устойчивый характер, поскольку они не осознаются людьми в качестве основания их социального поведения. Рефлексивные структуры ментальных программ, наоборот, являются неустойчивыми, поскольку они осознаются людьми, и поэтому становятся восприимчивыми к внешним и внутренним воздействиям, приобретая диверсификационный характер. Ментальные программы социального поведения носят бинарный характер, обнаруживающий несовпадение между ее рефлексивными и нерефлексивными структурами. В этих программах в зависимости от социальной ситуации активизируются то рефлексивные, то нерефлексивные структуры, что сказывается на интерпретациях акторами этой ситуации и их социальном поведении, которое, соответственно, может носить как осознанный, так и неосознанный характер. Социальное поведение как совокупность неосознанных действий можно отнести к традиционному, или нормативному (зависящему от общепринятых ценностей и норм) типу. Социальное поведение как совокупность осознанных действий — к целерациональному или ценностно-рациональному типам. Благодаря ментальным программам люди, попадая в одну и ту же социальную ситуацию, конструируют различные картины социальной реальности. А если люди определяют ситуацию как реальную, то она, как отмечал У. Томас, становится реальной по своим последствиям, которые непосредственно проявляются в различных репертуарах их социальных действий.

В современной науке модели социального поведения иногда рассматриваются как короткие поведенческие сценарии, или образцы социальных действий. При этом исследователи подчёркивают, что модели социального поведения — это упрощённые представления реальности, к которым не предъявляются требования отражения реальности во всей полноте. В этом плане модель социального поведения — это когнитивный аналог практик социального поведения как ответной реакции человека на социальную ситуацию в виде определённых социальных действий, обусловленных нерефлексивными и рефлексивными структурами ментальной программы. При этом нерефлексивные структуры ментальной программы определяют нормативную модель социального поведения, зависящего от общепринятых культурных ценностей и норм, а рефлексивные структуры — модальные модели социального поведения, статистически наиболее распространённые в обществе.

Политическое поведение, как и любая другая форма социального поведения, обусловлено как осознанными (модальными), так и неосознанными (нормативными) структурами. Следовательно, необходимо различать политическую деятельность как целерациональную, ориентированную на ожидаемый результат форму активности личности и группы, так и нерациональную, связанную с нормативной моделью политического поведения.

Нормативная модель политического поведения — это когнитивный аналог практик политического поведения в российском обществе, выступающих в качестве ответной реакции человека на социально-политическую ситуацию в виде неосознанных социальных действий, обусловленных их ментальной матрицей.

Ментальная матрица представляет собой совокупность нерелексивных структур ментальной программы нормативной модели политического поведения. Одним из структурных компонентов ментальной матрицы являются политические образы, наделяемые определёнными символическими значениями, которые надолго остаются защищёнными от рационализации, и поэтому носящие устойчивый характер. В научной литературе такие образы иногда называют предубеждениями [Ивахненко 1996: 59]. Другим структурным компонентом ментальной матрицы нормативной модели политического поведения являются нерелексивные политические ценности, особенностью которых в российском социуме является неустойчивый паритет авторитарных и демократических предпочтений, между которыми располагаются гибридные ценностные «комплексы». Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в ценностном отношении ментальная матрица нормативной модели политического поведения в российском обществе по своей природе носит бинарный характер.

Когнитивную структуру ментальной матрицы нормативной модели политического поведения в российском обществе составляют образы государства, власти и свободы. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что в российской культурной традиции государство, как правило, воспринимается как система, обеспечивающая порядок и интегрирующая общество [Гаджиев 1996: 131–132]. Однако роль государства в российской истории состояла не только в том, что оно выступало в качестве объединяющего и стабилизирующего начала [Лубский 1998: 161–165]. Символом государства, начиная ещё с эпохи Московского царства, а затем и эпохи Петра Великого, стали патерналистское отношение вождя-государя и забота политической власти о благополучии народа, основанные на вере в возможность применения насилия для обеспечения социального прогресса.

Как результат — тотальный контроль над социальной структурой общества, дисциплиной и порядком в различных сферах жизни. Обладая символическим капиталом, государство формировало в российском нормативно-символическом универсуме такие политические образы и ценности, оправдывающие его деятельность, которые постепенно превращались в устойчивые стереотипы мышления и ценностные предпочтения политического поведения. Такие базовые образы и ценности постепенно трансформировались в нерелексивные структуры ментальной матрицы нормативной модели политического поведения, сохраняющие свое значение и в настоящее время.

В этой ментальной матрице доминирует возвеличивание государства, страх перед ним как олицетворением силы и власти. Фетишизация государства порождает в ментальной матрице нормативной модели политического поведения этатизм как веру в сверхъестественное начало Российского государства, его абсолютный примат над гражданским обществом. Такой образ государства складывается на основе постоянной рециркуляции патримониального принципа, в соответствии с которым взаимоотношения населения и государственных учреждений власти строятся по аналогии с отношениями, существующими между родителями и их детьми в семье, где глава семейства призван проявлять заботу о своих домочадцах. Государственная власть в России, беря на себя функции тотального социального контроля, активно распространяла идеи полицеизма, на основе которых в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе утвердилось представление о нем как государстве социально-патерналистском. В связи с этим в ментальной матрице государственное попечительство стало восприниматься на нерелексивном уровне как благо и обязанность государства перед обществом.

В ментальной матрице образ государства в плане отношения его к народу базируется на таких смысловых составляющих, как забота и наставление, опека и попечительство, поэтому в этой ментальной матрице сложился образ народного государства, которое рассматривается как историческая социодуховная целостность [Мартьянов 2009]. В рамках такого образа критерием легитимности государства выступает представительная (соборная) природа государственных учреждений, отсутствие которых делает государство в ментальной матрице иностранным. Кроме того, в ментальной матрице нормативной модели политического поведения государство на уровне знаний-верований представляет своего рода номинацию, обозначающую отечество («родину-матушку») и государя («царя-батюшку») в их органическом единстве.

В ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе образ государства непосредственно связан с определенным набором эмоционально обрамленных ассоциаций. В связи с этим в ментальной матрице существует как бы двойственный (бинарный) образ государства, наделяемый одновременно как положительными, так и отрицательными чертами. Этот образ порождает две диаметрально противоположные формы восприятия государства — от признания и согласия до неприятия и отрицания, поэтому в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском социуме государство выступает в качестве «успокаивающего» фактора политической жизни, в то время как население делится на представителей молчаливого большинства или революционно настроенного меньшинства. Особенность образа государства в ментальной матрице заключается и в том, что оно эмоционально воспринимается также в нравственном контексте.

В ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе государство представляется своего рода идиологом, возвышающимся над людьми и поэтому способным вершить судьбы своих подданных, поэтому в российском социуме, как отмечают исследователи, государство воспринимается как «они», а подданные как «мы», что имплицитно порождает общественные антиномии [Горяинов 1997: 146]. В связи с этим в ментальной матрице отсутствует представление о свободе в политическом смысле, порождая особый образ демократии, который позволяет, как отмечает Р. Пайпс, понять, «почему россияне были и продолжают оставаться такими безразличными к тому, что мы на Западе считаем необходимым: участие в политической жизни и гражданские права» [Пайпс 2004]. В ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе свобода больше ассоциируется с анархизмом, политическим своеволием, а демократия — с общинным демократизмом, основанном на социальной взаимопомощи и направленном на обеспечение социальной справедливости [Чураков 2016]. Такие нерелексивные образы демократии дают о себе знать и в современном массовом сознании россиян, которые отождествляют демократию не с политической свободой и политическим участием, а с материальным благополучием и равенством всех перед законом [Горшков 2016: 165–167].

Государство как ценность в ментальной матрице нормативного поведения обусловлена тем, что в основе его образа лежит идея государственного служения, призванная выполнять в ментальной матрице функцию социальной интеграции и социальной идентификации [Черная 1989: 28–43]. Эта идея обязана своим существованием религиозно-нравственным началам, укоренившимся в нерелексивных структурах ментальной матрицы и сформировавшим представление о соответствии государственного устройства идеалу божественного порядка. Ценность государства в ментальной матрице всегда обуславливается апелляцией к его могущественности и героическому прошлому в истории.

В иерархии нерелексивных предпочтений в структуре ментальной матрицы нормативного поведения особое место занимает такая ценность, как справедливое государство, которое персонифицируется с верховным правителем. Справедливое государство как ценность — это в

первую очередь полицейско-патерналистское государство, которое, с одной стороны, обязано наводить в обществе порядок, а с другой — заботиться о благе народа. Характеризуя эту особенность государства как ценности в российском обществе, Н.А. Бердяев писал, что «русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждёт жениха, мужа, властелина» [Бердяев 1990: 5–10].

В этой связи необходимо отметить, что в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе существуют как бы две ценностные оппозиции, представляющие собой синкретическое единство двух нерелексивных идеалов — государства «для нас» и государства «для других». На основе такого идеала, поддерживаемого всей мощью символического капитала государственной власти, в структуре нерелексивных предпочтений в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе сложилась такая ценность, как державность, предполагающая ориентацию на могущество и величие.

В ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе сложился весьма своеобразный образ государственной власти. Реконструировать его позволяет интерпретация образов истории в массовом сознании россиян [Андреев 1996: 131–142]. Среди этих образов лидирует царствование Петра I, которое в качестве предмета гордости превышает любую другую историческую эпоху. Как отмечают исследователи, это один из немногих периодов российской государственности, вызывающий у значительной части россиян чувство эмоциональной сопричастности [Горшков 1996: 78–82].

Почему в массовом сознании россиян предпочтение отдаётся Петру I и его эпохе? Существует несколько предположений на этот счёт. Согласно первому, традиционному российскому обществу всегда была необходима стальная рука, инициатива сверху. Но ведь в российской истории было и кроме Петра I достаточно много жёстких и авторитарных правителей. Поэтому сторонники второй гипотезы объясняют феномен симпатии общества к эпохе Петра I духом реформ, направленных на модернизацию страны по западноевропейским лекалам. Согласно третьей гипотезе, симпатии россиян вызваны тем, что Петр I возродил могущество отстающей от соседей державы. Данное предположение выглядит также достаточно правдивым и актуальным для нашего времени. Как отмечают исследователи, все эти гипотезы «в той или иной степени правомерны, и вместе с тем ни одна из них не в состоянии объяснить генезис петровского мифа: факторы, на которые каждая из них опирается, на порядок слабее тех социально-психологических эффектов, которые связаны с именем Петра I. Значит, определяющими здесь являются факторы субъективного порядка. Таким образом, определяющую роль в устойчивом воспроизведении петровского мифа в меняющихся исторических условиях играет корреляция между личностью Петра и идеальным образом власти. Из всех русских исторических деятелей именно Петр I в наибольшей степени соответствует тому, какой, по представлению русского народа, должна быть власть» [Андреев 1996: 137–138].

Таким образом, в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе предпочтение отдаётся умеренному авторитарному идеалу. В общественном сознании государственная власть в России может быть жёсткой или даже жестокой, но настоящая власть должна быть всегда правильной — авторитетной, т. е. справедливой, поскольку в России на первом месте всегда стояли не столько социальные интересы людей, сколько идеал такого общественного устройства, при котором были бы защищены интересы и права угнетённых, «униженных и оскорбленных».

В ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе приоритет отдаётся такой власти, носителями которой являются правители, судящие обо всем «праведно» и по совести, знающие ответы на все вопросы жизни и действующую

щие правильно, т. е. по справедливости. Нереплексивный образ таких правителей, олицетворяющих собой идеальную власть в России, превращает их в предмет всеобщей любви и восхищения. Как отмечал И.А. Ильин, власть «должна импонировать людям. Они не могут повиниться тому, кого не уважают» [Ильин 1991: 85]. Если деятельность лидеров российской политической элиты вступает в противоречие с подобным образом государственной власти, то их авторитет существенно понижается, они начинают вызывать раздражение, утрачивают доверие, превращаются в объект неприязни, а иногда и неприкрытой ненависти.

В целом в ментальной матрице нормативного политического поведения в российском обществе образ власти носит бинарный характер: с одной стороны, власть — это авторитет и сила, объединяющие российские пространства и обеспечивающие народное единение и чувство национальной гордости, рождающие любовь и уважение, а с другой — власть — это зло и грязь, обуславливающие чувство ее неприятия, насилие, вызывающие чувство ненависти. При этом бинарность образа государственной власти в России частично снимается, как отмечают исследователи, ее сакрализацией [Марков 1996: 154–156].

Особое место в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе занимает ценность свободы. Характеризуя ценностное отношение к свободе в России, Н.А. Бердяев писал, что «русский народ как будто бы хочет не столько свободы в государстве, сколько свободы от государства» [Бердяев 1990: 12]. В связи с этим в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе доминируют анархистские ценностные аспекты свободы. Доминирование в ментальной матрице образа анархии и воли как свободы от политического давления и социального притеснения, антиномично сочетающего покорность государству и его неприятие, придают особое ценностное измерение свободе как ценности. Для проявления такой свободы необходимо наличие какого-либо ограничивающего ее политического фактора. Но если такой ограничивающий фактор отсутствует, то люди попадают в затруднительное положение, поскольку нереплексивной ценностью для них является «не сама свобода, а борьба за нее» [Горяинов 1997: 146]. Так, С.Д. Довлатов писал об одном знакомом диссиденте: «Америка разочаровала Караваяева. Ему не хватало здесь советской власти, марксизма и карательных органов. Караваяеву было нечему противостоять» [Довлатов 1994: 14].

В целом в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе, в которой уживаются умеренная авторитарность и свобода как анархия и воля, свобода наполняется неполитическим деструктивным содержанием, ассоциируясь больше не с созиданием, а с разрушением. Российский образ свободы символизирует, как отмечал Г.П. Федотов, «все иррациональное, слепое в русской жизни, которое проявляется в бунте и нигилизме» [Федотов 1992: 146].

Политические образы и ценности ментальной матрицы получают концентрированное выражение в политических установках как нереплексивных предрасположенностях индивидов к определенным рутинным политическим действиям в качестве эмоционально-оценочной реакции на ту или иную социально-политическую ситуацию. Такого рода установки, носящие устойчивый характер, выступают основой для конструирования модели политического поведения, характерной для нормативного типа личности государственно-организованного общества. Единство этого общества заключается в том, что у его представителя, «поглощённого» государством, не существует никаких альтернатив, кроме как раствориться в «мы» и выполнять социальные роли, предписанные ему государством [Лубский, Лубский 2012: 27–37]. И это является не принципом, провозглашённым государством, а ментальной установкой и даже нравственным императивом.

Принадлежность к «мы», с одной стороны, активизирует у человека политическое способность к предчувствию, а с другой — угнетает у него функции волевой мобилизации и

деятельностной самостоятельности. Поэтому социально-политические ситуации, требующие проявления воли и самостоятельности, в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе актуализируют стремление обратиться за помощью к более мудрому и более знающему, роль которого в государственно-организованном обществе выполняет государство. В том числе и по этой причине в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе утвердилась такая установка, как желание прожить в могущественном и справедливом государстве [Лубский 2016: 23–37]. В таком государстве, берущем на себя функции социальной мобилизации и социальной опеки, утверждение социальной справедливости возлагается, прежде всего, на государя, долг которого заботиться о своих подданных.

В ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе доминирует предрасположенность «быть как все», которая является необходимым условием социального существования в государственно-организованном обществе, обеспечивая его стабильность путём сохранения традиций и взаимопонимания. Предрасположенность «быть как все» неразрывно связана в российском обществе с потребностью в единении (соборности) с другими людьми, основанном на взаимной помощи и социальной справедливости. Эта предрасположенность порождает в государственно-организованном обществе антиличностную установку и нетерпимое отношение ко всякой социальной индивидуальности. Предрасположенность «быть как все» сопровождается также усвоением в этом обществе общепринятых инвариантов политического поведения. Это способствует замещению в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе индивидуальной ответственности ответственностью солидарной, одновременно освобождая человека политического от ответственности за свои действия в той или иной социально-политической ситуации, от «тягостного бремени» политической свободы и от сомнений по поводу своих социально-политических действий.

Стремление «быть как все», сопряжённое у человека политического с этатизмом, формирует в ментальной матрице нормативной модели политического поведения такую установку, как строгое следование различного рода стандартам социально-политических действий. В результате интимные формы контроля человеком своего политического поведения заменяются внешними предписаниями. В силу этого нормативная модель политического поведения в российском обществе базируется на особом типе политической ответственности, предполагающем не столько ориентацию на результат тех или иных социально-политических действий, сколько на стремление следовать в первую очередь официальным предписаниям и рекомендациям. Поэтому в российском обществе ответственность как интимная парадигма контроля политического поведения замещается ответственностью как предрасположенностью ориентироваться на официальные стандарты соответствующего типа поведения. По этой причине нормативная модель политического поведения в российском обществе отличается, с одной стороны, внутренней безответственностью, с другой — жёсткой внешней ответственностью.

В государственно-организованном обществе люди чувствуют себя уверенно лишь в ситуации социальной определённости, где существуют конкретные нормативные предписания о том, что можно и чего нельзя делать. Поэтому нормативная модель политического поведения в российском обществе базируется на такой предрасположенности, как страсть к порядку, связанной с необходимостью строгого выполнения социальных инструкций. Социальные предписания нередко наделяются административно-правовым смыслом, в соответствии с которым те или иные политические действия должны быть разрешены распоряжениями сверху и обставлены различного рода инструкциями. При этом государственные распоряжения и инструкции должны касаться всех сторон жизни человека, поскольку предполагается, что

чем больше предписаний, чем шире сфера регламентаций, соответственно, тем больше порядка. Желание обеспечить политический порядок любыми даже самыми крайними мерами порождает предрасположенность поддерживать государство в деле наведения порядка в обществе.

Характерной чертой нормативной модели политического поведения в государственно-организованном обществе является стабильная интенция делегировать ответственность за свои политически значимые действия на всепоглощающее государство. В связи с этим в нормативной модели политического поведения в российском обществе сформировалась и утвердилась предрасположенность перемещать решение индивидуальных проблем в политическую сферу [Ильин, Панарин, Бадковский 1995: 108–109].

Нормативная модель политического поведения в государственно-организованном обществе, базирующаяся на этатистско-патерналистских установках, обуславливает подданническо-оппортунистическое отношение людей к государству. Это перманентно порождает в российском обществе такую социально-политическую ситуацию, в рамках которой «отец отечества» вынужден заботиться о своих «неразумных детях», а последние хотя и не особо жалуют своего «родителя», но и прожить без него не могут. Все это способствует отчуждению подданных и государства в российском обществе. Это отчуждение проявляется в том, что если государство перестаёт соответствовать образу великой и могучей державы, существующему в ментальной матрице подданных, а его деятельность — их патерналистским ожиданиям и мечтаниям о социальной справедливости, то государственная лояльность и оппортунизм уступают место государственной делегитимации и анархистскому своеволию как стремлению к «свободе от государства».

Отчуждение подданных и государства в российском обществе порождает и амбивалентное их отношение к государственной власти, которая, как отмечают исследователи, не вызывает никаких каких-либо особо сильных и эмоционально окрашенных чувств [Дилигенский 1997: 12]. Такое восприятие государственной власти обуславливает предрасположенность человека политического в российском обществе «подчиняться власти не из убеждения в ее легитимности, а лишь из уважения к одной силе принуждения» [Кистяковский 1913: 40].

В рамках нормативной модели политического поведения в российском обществе наиболее авторитетная часть политического истеблишмента наделяется особыми, уникальными харизматическими чертами. Это именно те политические лидеры, которые в рамках социальной концепции общего дела позволяют рассчитывать на политический успех. Вместе с тем убеждение в том, что политический лидер сам должен служить общему делу, способствует соотносению его политической деятельности с общим делом, которое сообща переживается людьми. В связи с этим для нормативной модели политического поведения авторитетов в российском обществе характерно стремление действовать в соответствии с ожиданиями толпы, поэтому популизм — это устойчивая черта нормативной модели политического поведения российского политического лидера умеренно авторитарного толка.

Нормативная модель политического поведения в российском обществе базируется, с одной стороны, на предрасположенности к подчинению, с другой — на склонности к подавлению. Установка на подчинение тем, кто занимает более высокое место во властной иерархии, в нормативной модели политического поведения в российском обществе проявляется в политическом догматизме, склонности воспринимать информацию не самостоятельно, а скорее сквозь призму сложившихся общественных стереотипов; этатистской лояльности, патерналистском конформизме, стремлении к социальной справедливости; политической инертности, страхе перед социально-политической неопределённостью и агрессивном желании утверждения общественного порядка.

Установка на подавление тех, кто занимает более низкое место во властной иерархии, в нормативной модели политического поведения в российском обществе проявляется в завышенном уровне личной самооценки, нетерпимости к чужому мнению и неприятию инакомыслящих; нежелании понимать чужого, особенно в сфере межличностных отношений [Асмолов 2016], а также отсутствии ответственности по отношению к своим.

В силу этого в ментальной матрице нормативной модели политического поведения в российском обществе политическая свобода как политическая воля порождает такие установки, как склонность навязывать свою точку зрения другому, недооценка возможности компромисса и сотрудничества как модели социального взаимодействия, игнорирование ценности социального диалога. Именно поэтому свобода как политическая воля у россиян, как полагают исследователи, не содержит элемента политической ответственности [Вайнштейн 1998: 23–24]. В свою очередь, отсутствие политической ответственности обуславливает специфику политического поведения в условиях социальных противостояний и политических столкновений, периодически возникающих в структуре государственно-организованного общества. В этом обществе государственная власть выступает исключительно сдерживающим началом, а специфика политического поведения в российском обществе в рамках этих соответствующих столкновений заключается в том, их участники не просто отрицают друг друга, а стремятся стать единственной политической целостностью. Специфика таких политических конфликтов состоит в том, что весь этот процесс сопровождается глубоким социально-политическим расколом, в силу чего конфликты в российском социуме, как правило, не разрешаются с помощью координации социально-политических интересов и ценностей, а протекают до полного уничтожения одной из политических сторон. Если устранение противостоящей стороны невозможно, то они лишь откладываются на определённое время, для того чтобы снова вспыхнуть, как только возникнут подходящие условия. Все это позволяет сделать вывод о том, что нормативная модель политического поведения в российском обществе базируется на признании индивидами только собственного права на социально-политический выбор и отказе другим в такой возможности.

Модальные модели политического поведения — это модели осознанного, отрефлексированного социального поведения индивидов в политической сфере. В современном российском обществе условно можно выделить две группы, которые демонстрируют ключевые модальные модели политического поведения: либеральную и консервативную.

Модальные модели политического поведения в российском обществе обладают гибкостью и подвижностью, их границы взаимопроникаемы, что придаёт этим моделям изменчивый и гибридный характер. Поэтому в действительности политическое поведение, которое мы относим к консервативной модели, может содержать элементы либеральной модели социального поведения, и наоборот. Политическая трансформация российского общества последних двух десятилетий отразилась на модальных моделях поведения, которые стали «дрейфовать» от довольно ярко выраженной либеральной (в 90-е гг.) к консервативной и государственнической версии.

Социально-экономической и идейной предпосылкой внимания к модальным моделям политического поведения принято считать либерализацию основных сфер общественной жизни, поскольку именно на рубеже веков в России происходит «освобождение» человека и форсированный переход к западным либеральным ценностям. Правда, результаты демократизации и появления новых институциональных «правил игры» до сих пор оцениваются учёными и обществом крайне неоднозначно. Так, в 2001 г., согласно результатам социологических исследований, доминантой общественного сознания в России было недовольство реформами: об этом говорили 59 % опрошенных; в то время как в поддержку преобразований выступали 28 % россиян [Горшков 2011: 148–156]. В 2000 г. после смены президентской, законодатель-

ной и исполнительной власти в России была выбрана этатистская модель модернизации взамен либеральной [Зворыкин 2009: 23–24]. Это было обусловлено, как показывают социологические исследования Института социологии РАН, не только негативными последствиями реформ, но и консервативным поворотом в общественном сознании.

Таким образом, можно выделить два периода, характеризующих динамику модальной модели политического поведения россиян. Первый (90-е гг.) связан с попыткой механической имплементации зарубежных паттернов и ценностей в российское общество (прежде всего это происходило в сфере экономики и политики), а второй период связан с консервативным поворотом, ориентированным на традиционное в массовом сознании россиян сильное государство [Горшков 2016: 640–644].

Формирование модальных моделей политического поведения происходило в контексте тех преобразований, которые захватили российское общество на рубеже XX–XXI вв., и результаты которых сообща переживались людьми на протяжении двух с половиной десятилетий. Тенденции формирования и проявления этих моделей поведения была выявлена в ходе многочисленных социологических исследований, проведённых рядом ведущих российских социологических центров.

С начала 1990-х гг., когда российские реформаторы инициировали модернизацию России в либеральном направлении, в российском обществе стала расти численность тех, кто стал придерживаться либеральной модели социального поведения. В середине 90-х гг. численность россиян, ориентированных на личные достижения и благосостояние, индивидуальную независимость, возросла примерно до 59 % (а среди молодёжи — даже до 66 %) [Горшков, Тихонова 2016: 127]. Однако вскоре, как отмечают исследователи, сторонники реформ оказались в меньшинстве, поскольку, по мнению россиян, эти реформы привели к ухудшению положения дел во всех сферах жизни российского общества. Вместе с тем определённая часть россиян видела в реформах и плюсы, связанные с демократизацией, свободой слова, правами человека.

В 2000-х гг., как отмечают исследователи, в сознании россиян стала падать значимость обрётённых в начале 90-х гг. демократических прав и свобод, культивируются идеи этатизма и патернализма [Хачатуров 2016]. Начинает формироваться модальная модель политического поведения гибридного типа, обусловленная тем, что рефлексивные структуры ментальных программ модальных моделей политического поведения постоянно подвергаются диверсификации, поэтому социальное поведение, относящееся в целом к либеральной модели, может содержать элементы консервативной, и наоборот.

В настоящее время лишь незначительное число россиян придерживается либеральной модели политического поведения в чистом виде, в ментальной программе которой базовыми ценностями являются частная собственность и рыночная экономика, правовое государство и свобода как возможность индивидуального выбора. О распространённости этой модели социального поведения в современном обществе свидетельствуют следующие результаты социологических исследований.

Либеральные ценности остались своего рода аутсайдерами в представлениях населения о будущем страны [Горшков, Тихонова 2016: 138]. Так, 13 % россиян считают, что России нужна демократия такая же, как и в развитых странах Европы и Америки [Волков, Гончаров 2015]; 12 % россиян читали Конституцию и довольно хорошо помнят, о чем в ней говорится; только 6 % опрошенных предполагают свою возможность участия в протестных акциях — митингах, демонстрациях, голодовках [Горшков, Тихонова 2016: 347].

За последние без малого два десятка лет в разы снизилась доля россиян, поддерживающих либеральную модель социальной защиты, при которой государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (с 31 в 1996 г. до 11 % в 2016 г.). Заметно вырос

запрос к государству относительно помощи всем малоимущим или группам, попавшим в сложное положение. В целом можно говорить о том, что за последние полтора-два десятка лет россияне окончательно разочаровались в либеральной модели, столкнувшись с тем, что в сложившейся в стране ситуации решать свои проблемы, прежде всего социально-экономического характера, самостоятельно оказывается зачастую невозможно. Отсюда — надежды на государство, которое призвано обеспечивать справедливые правила игры и поддерживать тех, кто оказался в сложной ситуации. Только такая модель воспринимается сегодня в качестве справедливой в глазах россиян. Причём это относится даже к тем, кто сам не испытывает необходимости в социальной защите [Горшков 2016: 56].

В настоящее время в российском обществе значительно больше сторонников гибридной — либерально-государственной — модели социального поведения. 19 % занимают промежуточную позицию между консервативными и либеральными ценностями, выступая за сочетание идеи сильного государства и демократического государства западного образца [Бызов 2015: 52–77].

62 % россиян полагают, что благополучие народа могут обеспечить надёжные, реально действующие законы; 29 % считают, что сейчас в России важнее соблюдение прав человека, а беспорядок в государстве; 49 % не готовы отказаться от политических свобод ни при каких обстоятельствах. 53 % россиян готовы отказаться от права свободно ездить за границу, если государство будет гарантировать им нормальную зарплату и приличную пенсию [Горшков, Тихонова 2016: 102]; политикой интересуются 37 %; 30 % уверены, что могут подвинуть власть на принятие тех или иных решений; 22 % считают, что оказывают какое-либо влияние на политическую жизнь России [Волков, Гончаров 2015].

Таким образом, результаты социологических исследований позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время незначительное число россиян придерживаются либеральной модели политического поведения. На практике эта модель носит смешанный — либерально-государственный — характер, поскольку включает элементы как консервативной, так и либеральной моделей поведения. Ментальная программа подобной гибридной модели политического поведения основана на вере россиян в особый путь развития страны, ибо социальные ожидания связаны с дальнейшим укреплением государственной власти как источника, с одной стороны, интеграции общества, его стабильности, с другой — гаранта личной свободы граждан.

В ментальной программе консервативной модели политического поведения базовой ценностью является сильное государство. Так, 55 % респондентов отмечают, что большинство россиян не смогут прожить без опеки государства [Горшков 2016: 228]. Большинство россиян поддерживают существующую государственную власть (84 %) [Горшков 2016: 139]; 70 % считают, что России необходима твёрдая рука, которая наведёт в стране порядок; 66% полагают, что Россия должна быть великой державой [Горшков 2016: 140] с мощными вооружёнными силами и влиять на все политические процессы в мире [Горшков 2016: 138–140].

Особенно наглядно государственно-либеральная модель социального поведения проявилась в связи с вхождением Крыма в состав России. Так, в 2016 г. доля россиян, которые считают, что Крым — часть России, составляет 87 %, 57 % аргументируют свою позицию тем, что «Крым всегда был российским», 20 % — что на полуострове весной 2014 г. прошёл референдум о присоединении к России. 90% опрошенных не согласны с мнением, что Россия, приняв в свой состав Крым, нарушила международные договорённости и международное право. 52 % респондентов отметили, что выражение «Крым наш» для них — символ тор-

жества и гордости в связи с тем, что Крым вернулся в состав России, ещё 16 % назвали его «символом возрождения России» [Горшков 2016: 138–140].

Лишь 47 % опрошенных россиян видели в воссоединении с Крымом только позитивные стороны, 5 % — только негативные. Наиболее позитивное отношение к «Крым наш» — у русских националистов — 58 %, наименее позитивное — у либералов (22 %), притом что чуть больше — 25 % либералов — видели в этом событии исключительно негативные стороны [Бызов 2015: 52–77].

Представители государственно-либеральной модели политического поведения считают, что России нужна демократия, но особая, соответствующая национальным традициям и специфике (55 %) или такая, как была в Советском Союзе (16 %); 8 % разделяют авторитарные взгляды, полагая, что вся власть в стране должна находиться в руках сильного политического лидера [Горшков 2016: 144]. 29 % россиян вообще не интересуются политикой [Горшков 2016: 151], только 6 % опрошенных предполагают свою возможность участия в протестных акциях — митингах, демонстрациях, голодовках [Горшков 2016: 347].

Ментальная программа представителей государственно-либеральной модели политического поведения включает элементы этатистского правосознания, в соответствии с которым государство ставится выше закона и вправе принимать законы неправового характера. 55 % полагают, что сейчас для России важнее порядок в государстве, а не соблюдение прав человека. 53 % россиян готовы отказаться от права свободно ездить за границу, если государство гарантирует нормальную зарплату и приличную пенсию [Горшков 2016: 102].

Таким образом, в настоящее время либеральной модели политического поведения, в ментальной программе которой базовыми ценностями являются правовое государство и демократия, придерживается незначительное число россиян. В российском обществе значительно больше сторонников гибридной — либерально-государственной — модели политического поведения, в ментальной программе которой развитие российского общества связывается с укреплением государственной власти в качестве основного рычага интеграции общества сверху на стабильной основе, а его будущее — с сильной правовой государственностью, обеспечивающей принципы личной свободы. Сторонники этой модели социального поведения, с одной стороны, отдают приоритет закону и соблюдению прав человека, а с другой — готовы отказаться от свободы слова, если государство будет гарантировать им нормальную зарплату и приличную пенсию, и считают, что неспособны оказывать какое-либо влияние на политическую жизнь России. Либерально-государственной модели политического поведения придерживаются около четверти россиян.

В ментальной программе консервативной модели политического поведения базовыми ценностями является сильное государство. В чистом виде этой модели социального поведения придерживается небольшая часть российского общества. На практике консервативная модель социального поведения в российском обществе носит гибридный — государственно-либеральный — характер, поскольку включает элементы либеральной модели поведения. Представители этой модели, с одной стороны, поддерживают существующую государственную власть и считают, что стране необходима твёрдая рука, способная навести в обществе порядок, а также полагают, что Россия должна быть великой державой. С другой стороны, они считают, что России нужна демократия и правовое государство. Государственно-либеральной модели социального поведения придерживаются более половины россиян.

Наряду с данными социологических исследований, использованных в настоящем разделе, важнейшим показателем распределения населения в зависимости от типов модальных моделей политического поведения, которых они придерживаются, являются результаты выборов в Государственную думу 2016 г.

Анализ содержания опубликованных программ всех участвующих политических партий позволяет достаточно уверенно отнести электорат той или иной партии к определённой модальной модели социального поведения, которая определена в нашем исследовании:

1. Либеральная модель отражена в программных уставах партий «Яблоко», «Партия роста», «Парнас».

2. Либерально-государственническая модель присутствует в избирательной платформе партии ЛДПР.

3. Консервативная модель в своих основных чертах представлена программными заявлениями партий КПРФ, «Коммунисты России», «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Родина».

4. Государственническо-либеральная модель имеет место в программах и приоритетных положениях партий «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Зелёные», «Патриоты России», «Гражданская платформа», «Гражданская сила».

Суммируя количество голосов, отданных за каждую партию, можно выстроить следующую структуру распределения в российском обществе модальных моделей политического поведения.

Очевидно, что результаты социологических замеров, которые использованы в данном исследовании в качестве эмпирической базы, и результаты голосования в Государственную думу, интерпретированные в соответствии с нашим исследовательским замыслом, по ряду позиций оказались близки. Структура распределения модальных моделей политического поведения в российском обществе (по результатам распределения голосов избирателей за депутатов по партийным спискам) выглядит следующим образом: 1) либеральная модель — около 4%; 2) либерально-государственническая модель — примерно 14; 3) консервативная модель — 20; 4) государственническо-либеральная — 62 %.

Таким образом, в современном российском обществе можно выделить две альтернативные модальные модели политического поведения — либеральную и консервативную. Однако в чистом виде эти модели не получили широкого распространения, в реальной жизни они носят в основном гибридный характер. Вследствие этого обозначим следующие модальные модели политического поведения:

1. Либеральная модель, в ментальной программе которой приоритет отдаётся правам человека, а не государству. Соответственно, для этой модели характерна высокая значимость частной собственности и свободного рынка, элементов правового государства: свободы слова, информации, гражданских общественных объединений, мирных собраний.

2. Консервативная модель, в ментальной программе которой, наоборот, приоритет отдаётся государству, а не правам человека. Соответственно, в этой модели преобладают этатистско-патерналистские, охранительные и эгалитаристские представления, в соответствии с которыми государство поставлено выше закона, порядок важнее, чем соблюдение прав человека, и готовность отказаться от свободы слова и права свободно ездить за границу при государственных гарантиях нормальной зарплаты и приличной пенсии.

3. Гибридная — либерально-государственническая — модель, включающая элементы консервативной модели поведения.

4. Гибридная — государственническо-либеральная — модель, включающая элементы либеральной модели поведения.

В настоящее время либеральной модели политического поведения, в ментальной программе которой базовыми ценностями являются частная собственность и рыночная экономика, правовое государство и свобода как возможность индивидуального выбора, придерживается незначительное число россиян. В российском обществе значительно больше сторонников гибридной — либерально-государственнической — модели политического поведения, в

ментальной программе которой развитие российского общества связывается с укреплением государственной власти в качестве основного рычага либерализации и интеграции общества сверху на стабильной основе, а его будущее — с сильной правовой государственностью, обеспечивающей принципы личной свободы. Сторонники этой модели политического поведения, с одной стороны, отдают приоритет закону и соблюдению прав человека, а с другой — готовы отказаться от свободы слова, если государство будет гарантировать им нормальную зарплату и приличную пенсию, и считают, что неспособны оказывать какое-либо влияние на политическую и экономическую жизнь России. Либерально-государственнической модели социального поведения придерживаются около четверти россиян.

В ментальной программе консервативной модели политического поведения базовыми ценностями является сильное государство, которое должно заботиться о людях. В чистом виде этой модели политического поведения придерживается небольшая часть российского общества. На практике консервативная модель политического поведения в российском обществе носит гибридный — государственническо-либеральный — характер, поскольку включает элементы либеральной модели поведения. Представители этой модели, с одной стороны, поддерживают существующую государственную власть и считают, что стране необходима твёрдая рука, способная навести в обществе порядок, а также полагают, что Россия должна быть великой державой. С другой стороны, они считают, что России нужна демократия, не все крупные предприятия в стране должны принадлежать государству, деятельность предпринимателей приносит обществу пользу. Государственническо-либеральной модели политического поведения придерживаются более половины россиян.

Андреев А.Л. 1996. Образы истории в сознании россиян — *Москва*. — № 5.

Асмолов А.Г. 2008. *Терпимость и толерантность в российском обществе 2008*. — Доступно: <http://www.old.radiomayak.rfn.ru/schedules/3503/10134.html>. — Проверено: 12.12.2016.

Бердяев Н.А. 1990. *Судьба России (сборник статей, 1914–1917)*. — М.

Бызов Л.Г. 2015. Украинский кризис в контексте социально-политических и социокультурных процессов, формирующих массовое сознание россиян — *Социологическая наука и социальная практика*. — № 1.

Вайнштейн Г. 1998. Формирование гражданского общества в России: надежды и реальность. — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 5.

Волков Д., Гончаров С. 2015. *Демократия в России: установки населения*. — Доступно: https://komitetgi.ru/upload/uploaded_files/Демократия.pdf. — Проверено: 26.07.2017.

Гаджиев К.С. 1996. Базовые принципы и пути преобразования российской политической культуры. — *Цивилизации и культуры : научный альманах. Выпуск 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения*. — М.

Горяинов Д.А. 1997. Проблема свободы в русской культуре. — *Философские науки*. — № 3–4.

Горшков М.К. 2016. *Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)*. — М.: Новый хронограф. — Т. 1, 2.

Горшков М.К., Авилов А.В., Андреев А.Л., Бызов Л.Г., Давыдов Н.М., Здравомыслов А.Г., Петухов В.В., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. 1996. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов. — *Мир России. Universe of Russia. Социология. Этнология. Культурология*. — Т. 2.

Дилигенский Г.Г. 1997. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? — *Pro et Contra*. — № 4.

- Двадцать лет реформ... 2011. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад.* — М.
- Довлатов С.Д. 1994. *Собрание прозы: в 3 т.* Т. 3. — СПб.: Лимбус Пресс.
- Древняя Русь... 1998. *Древняя Русь и Московское государство. У истоков российской цивилизации* / отв. ред. А.В. Лубский. — Ростов н/Д.
- Зворыкин Б.Д. 2009. Этатистская модель социальной модернизации: влияние политических режимов и современный опыт реализации. — *Власть.* — № 3.
- Ивахненко Е.Н. 1996. Средневековое двоеверие и русская литературно-философская мысль Нового времени — *Рубежи.* — № 9.
- Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. 1995. *Политическая антропология.* — М.: МГУ.
- Ильин И.А. 1991. За национальную Россию. Манифест русского движения. — *Слово.* — № 7.
- Кистяковский Б.А. 1913. *Сущность государственной власти.* — Ярославль.
- Лубский А.В., Лубский Р.А. 2012. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления. — *Научная мысль Кавказа.* — № 4.
- Лубский Р.А. 2016. Специфика российской государственности как государственно-центристского общества. — *Философия права.* — № 2.
- Марков А.П. 1996. *Отечественная культура как предмет культурологии.* — СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Мартьянов В.С. 2009. «Человек политический»: модели оправдания власти. — Доступно: http://www.lit.lib.ru/m/martxjanow_w_s/text_0040.shtml. — Проверено: 12.08.2017.
- Пайпс Р. 2004. Демократия в России выглядит некрасиво (The New York Times, США). — *ИноСМИ.Ru.* — Доступно: <http://www.inosmi.ru/translation/210083.html>. — Проверено: 14.08.2017.
- Российское общество... 2016. *Российское общество и вызовы времени.* Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Кн. 3. — М.: Весь мир.
- Чураков Д.О. Национальные демократические традиции и представления о правах человека в России. — *Образовательный портал «Слово».* — Доступно: <http://www.portal-slovo.ru/history/41645.php>. — Проверено: 12.08.2017.
- Черная Л.А. 1989. От идеи служения государю к идее служения Отечеству в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII века. — *Общественная мысль: исследования и публикации: ежегодник. Вып. 1.* — М.: Наука.
- Федотов Г.П. 1992. *Судьба и грехи России: в 2 т.* Т. 2. — СПб.: София.
- Хачатуров А.С. *Бедных у нас — две трети страны.* — Доступно: <https://www.novayazeta.ru/articles/2016/04/20/68292-bednyh-u-nas-8212-dve-treti-strany>. — Проверено: 26.07.2017.